

РАСПАД ЭСЕРО-МЕНЬШЕВИСТСКИХ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ПОВОЛЖЬЕ

М. И. Стишов, Д. С. Точеный

Вопросу о крахе мелкобуржуазных партий в России советская историография уделяет в последние годы довольно значительное внимание¹. Однако имеющаяся литература далеко еще не исчерпывает проблему в целом, в частности история распада периферийных мелкобуржуазных партийных организаций остается пока малоизученной². Между тем без подобных исследований невозможно создать обобщающие труды, фронтально прослеживающие основные этапы разложения и распада партий мелкобуржуазной демократии снизу доверху на территории всей страны. Таких работ пока нет. Поэтому научная разработка истории распада местных организаций мелкобуржуазных партий, по нашему мнению, одна из важных задач, стоящих перед историками. В настоящей статье предпринимается попытка проанализировать процесс распада партий эсеров и меньшевиков в Поволжье.

Выбор этого района не случаен: социальная среда здесь оказалась благоприятной для деятельности соглашателей, особенно эсеров. К 1916 г. городское население края составляло лишь 10,9%³, среди сельского населения имела значительная прослойка кулацко-зажиточного элемента. В. И. Ленин отмечал, например, что в Самарской губернии «очень много богатых крестьян»⁴. Многие рабочие Поволжья были связаны с деревней и также являлись носителями мелкобуржуазной психологии. В Самарской губернии к моменту Великой Октябрьской социалистической революции имели свою землю или были связаны с землей через ближайших родственников 18% рабочих, в Пензенской — 23%, в Симбирской — 16%⁵. К ним примыкали 100—120 тыс. кустарей и ремесленников⁶, рассеянных по городам и местечкам. Даже эти далеко не полные данные позволяют судить о социальной структуре тогдашнего населения

¹ Историографию проблемы в целом см.: Л. М. Спирин. Историография борьбы РКП(б) с мелкобуржуазными партиями в 1917—1920 гг. «Вопросы истории КПСС», 1966, № 4; его же. Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.). М. 1968, стр. 3—30; К. В. Гусев, Х. А. Ерицян. От соглашательства к контрреволюции (Очерки истории политического банкротства и гибели партии социалистов-революционеров). М. 1968, стр. 5—13; Н. В. Рубан. Октябрьская революция и крах меньшевизма (март 1917—1918 г.). М. 1968, стр. 3—23; В. В. Гармиза. Крушение эсеровских правительств. М. 1970, стр. 3—13.

² М. И. Стишов. Распад мелкобуржуазных партий в Советской России. «Вопросы истории», 1968, № 2; Д. С. Точеный. Банкротство политики эсеров Поволжья в аграрном вопросе (март — октябрь 1917 г.). «История СССР», 1969, № 4. Частично этого вопроса касались авторы работ, указанных в примечании 1.

³ «Октябрь в Поволжье». Саратов. 1967, стр. 19.

⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 298.

⁵ «Рабочий класс Советской России в первый год диктатуры пролетариата». Документы и материалы. М. 1964, стр. 362—363.

⁶ «Октябрь в Поволжье», стр. 24.

Поволжья и объясняют, почему эсеры рассматривали этот край как один из самых важных своих оплотов в борьбе с большевизмом⁷. Это обстоятельство вскрывает и причины доминирующего влияния эсеров на массы в Поволжье в первые дни после Февральской революции. Однако по мере нарастания пролетарской революции мелкобуржуазные партии вообще и их организации в Поволжье в частности шаг за шагом утрачивали свое влияние и разлагались изнутри. После победы Октября это разложение усилилось еще более и в конечном итоге привело к распаду мелкобуржуазных партий.

В первые месяцы после Февральской революции, принесшей политические свободы, в России наблюдался стремительный рост мелкобуржуазных партий. Особенно выросла количественно партия эсеров, в которую записывали всех желающих. В нее вступали целыми деревнями, армейскими ротами и даже полками⁸. Начав с малого (накануне Февральской революции в России имелось не более десятка мелких эсеровских организаций), эсеры к лету 1917 г. насчитывали в своих рядах почти 400 тыс. человек и стали самой многочисленной партией в стране⁹. Наибольший успех на их долю, как и на долю меньшевиков, выпал, естественно, в районах с явным преобладанием мелкобуржуазного населения, в том числе и в Поволжье. Подтвердить это положение может следующая таблица, характеризующая численный состав большевистских и соглашательских организаций по некоторым губерниям Поволжья в мае 1917 года¹⁰.

Партийные организации	Губернии					Итого
	Саратовская	Самарская	Астраханская	Симбирская (без Сызрани)	Пензенская	
Большевистская	3 000	3 000	ок. 100	10—30	30—60	ок. 6 140 (6 190)
Эсеровская	не установлено	17 000	3 000	ок. 6 000	10 000	ок. 36 000
Меньшевистская	1 000	1 000	100	ок. 500	120	ок. 2 720

Таблица (несмотря на ее неполноту) показывает, что к маю 1917 г. наиболее значительной по численности в Поволжье была организация эсеров. На первых порах она пользовалась преобладающим влиянием не только в деревнях и селах, но и в промышленных центрах. В первой половине мая 1917 г. на Самарском трубочном заводе в партию эсеров записалось 12 тыс. чел., в большевистской же организации этого предприятия насчитывалось лишь 2 500¹¹. На Сергиевском военном заводе (Самарская губерния) к 1 июля имелось не менее 1 тыс. эсеров¹², тогда как организация РСДРП(б) здесь была создана только в начале августа. Количественное преобладание эсеров наблюдалось и в большинстве уездных центров Поволжья. Расстановка партийных сил в Сызрани, в одном из самых развитых в промышленном отношении уездных городов Поволжья, выглядела к 15 июня следующим образом: большевистская организация—400—500 человек, эсеровская—900, меньшевистская—около 400, народно-социалистическая—100¹³. Меньшевики ус-

⁷ См. Н. Я. Быховский. Всероссийский Совет крестьянских депутатов в 1917 г. М. 1929, стр. 110; В. М. Чернов. Перед бурей. Воспоминания. Нью-Йорк. 1953, стр. 370.

⁸ И. И. Минц. История Великого Октября. Т. 2. М. 1968, стр. 132.

⁹ См. Л. М. Спириин. Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.), стр. 49.

¹⁰ См. Д. С. Точеный. Указ. соч., стр. 106.

¹¹ «История гражданской войны в СССР». Т. 2. М. 1942, стр. 49.

¹² «Земля и воля». Самара. 20.VIII.1917.

¹³ «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями». Т. 1. М. 1957, стр. 499; «Солдат, рабочий и крестьянин». Сызрань. 17.VI.1917.

тупали по численности большевикам в самых крупных промышленных центрах Поволжья (Саратов, Самара), но превосходили их в индустриально слабо развитых губернских центрах (Пенза, Симбирск).

Эсерам и меньшевикам удалось захватить руководство в подавляющем большинстве Советов и профсоюзов Поволжья. Это объяснялось тем, что широкие массы рабочих и трудящихся крестьян, пробудившиеся от вековой спячки, но еще не искушенные в политической борьбе, страдали добросовестным оборончеством, верили обещаниям соглашателей, принимая буржуазный демократизм за социализм.

Большевистская партия, вооруженная решениями VII (Апрельской) конференции, развернула в центре и на местах активную работу в массах. Программа, с которой она обращалась к трудящимся, указывала пути достижения мира, обеспечения землей и хлебом. Собственный опыт, правдивое большевистское слово подводили людей к пониманию той истины, что вся линия соглашателей в революции, их широкозаявательные заявления о демократии, о «народоправстве» служат лишь одной цели — замаскировать антинародную, империалистическую политику буржуазии и ее Временного правительства. Шло полевение масс. Оно наблюдалось не только в промышленных центрах страны, где большевики пользовались наибольшим влиянием, но и в аграрных районах, в том числе в Поволжье. В конце мая соглашательская «Солдатская газета» отмечала, что волна доверия к эсеро-меньшевистской прессе, наблюдавшаяся в первые дни революции, заметно падает и что среди солдат и рабочих растет интерес к большевистским изданиям¹⁴.

Утрата популярности партиями эсеров и меньшевиков, рост авторитета большевиков пробудили у рядовых членов соглашательских партий сомнения в правильности политики их лидеров. Если, например, большинство делегатов Всероссийской конференции меньшевиков 8 мая 1917 г. одобрило вступление социалистов во Временное правительство, то почти все члены меньшевистской организации Самарского трубочно-го завода 11 мая высказались против участия лидеров своей партии в коалиционном кабинете¹⁵. На съезде социалистов-революционеров Поволжья, проходившем в середине мая, довольно значительная группа делегатов выступила против реформистского курса ЦК эсеров. Как сообщала казанская эсеровская газета, полемика между оборонцами и интернационалистами велась на съезде в весьма резкой форме. Царицынский рабочий Г. Андреев писал: «Я был эсер с 1905 года; но как стали они (эсеровские лидеры. — *Ред.*) говорить, что не нужно землю у барина захватывать, то у меня мысль стала отпадать от них»¹⁶. Все эти факты свидетельствуют о том, что в недрах соглашательских партий в мае начался процесс брожения. Росло недовольство партийных «низов» социал-реформистской политикой лидеров. Распри перерастали порой в непримиримые конфликты. Однако в целом соглашательские организации Поволжья на этом этапе еще сохраняли верность руководству своих партий, по-прежнему удерживая позиции в местных Советах, профсоюзах и других общественных организациях. Так обстояло дело вплоть до июльских событий 1917 года.

Кровавая расправа кадетской контрреволюции 4 июля над мирной демонстрацией рабочих, солдат и матросов Петрограда означала конец двоевластия. Эсеро-меньшевистские лидеры вошли в закулисный сговор с Временным правительством, скатились «на самое дно отвратительной контрреволюционной ямы»¹⁷. Их открытая измена революции потрясла трудящиеся массы, вызвала растерянность у многих рядовых членов партии меньшевиков и эсеров. «После событий 3—5 июля в

¹⁴ «Солдатская газета». Самара. 25.V.1917.

¹⁵ «Наш голос» (орган самарских меньшевиков). Самара. 19.V.1917.

¹⁶ «История КПСС». Т. 3, кн. 1, стр. 87—88.

¹⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 46.

Петрограде обострившаяся идейная борьба с большевиками не замедлила отразиться на настроениях в нашей организации. Начались трения между меньшевиками-оборонцами и интернационалистами... Недовольство отдельными представителями местного оборончества скоро перешло в травлю этих лиц... Борьба эта приняла особенно резкие формы на общегородских конференциях»¹⁸, — писала самарская меньшевистская газета. Возраставшее в недрах местных организаций эсеров и меньшевиков недовольство соглашательством их лидеров с контрреволюционной буржуазией, резкое падение партийной дисциплины были первыми признаками разложения внутри этих партий, проявившимися в июле — августе 1917 года. Например, на районное собрание самарских меньшевиков, назначенное на 15 июля, явилось всего 70 чел. из 700. Собрание было перенесено на 29 июля, но и тогда пришло не более 100 человек¹⁹. Не стал «рабочий люд» посещать лекции, устраиваемые меньшевиками, сетовал самарский журналист-меньшевик в письме к своим пензенским коллегам: если раньше лекции привлекали сотни слушателей, то «теперь присутствуют по 40—50 чел. Та же тяжелая и безотрадная картина в рядах партийных организаций»²⁰. Не лучшим было положение меньшевиков и в других городах Поволжья. Вот как обстояли дела в их саратовской организации: «Из трех тысяч членов... наберется человек 20 (активных. — Авт.), не больше. Остальные совершенно игнорируют работу в партии, относятся к ней в высшей степени индифферентно, безразлично»²¹.

Почти так же складывалось положение дел и у эсеров. Прежде всего после июльских событий эсеры почувствовали, что пора безоговорочного доверия к ним широких масс безвозвратно миновала. Факты были настолько очевидны, что об этом не могла умолчать даже эсеровская печать. «За протекшие месяцы, — писала эсеровская газета, — читатель вырос и развился. Его уже нельзя ни удивить, ни привлечь красивыми лозунгами, смелыми сравнениями, дерзкими словами. Всюду ощущается тоска по правде. Многие стараются доискаться до правды не чужим, а своим умом»²². Это, по существу, завуалированное признание, что массы начали убеждаться в обмане со стороны эсеров.

Те рабочие, которые с первых дней революции, доверяя эсерам, шли за ними, стали теперь (раньше, чем крестьяне) отворачиваться от них. Началось это с бойкота эсеровских газет, отказа сотрудничать в них. По признанию редакции «Земли и воли», в июле в газету не поступило ни одной корреспонденции от рабочих²³. Намного уменьшились добровольные пожертвования от трудящихся, особенно от рабочих, в фонд Самарского губкома эсеров. Так, в июне в этот фонд поступило 1 764 руб., в июле — 448 руб., в августе — 331 рубль²⁴. Резко упала и активность эсеровских партийных организаций на предприятиях. «В настоящее время членов партии 1 000 человек, но активных работников в их среде мало», — сетовал эсеровский представитель Сергиевского завода²⁵.

Стали появляться трещины между ЦК партии и местными организациями эсеров. Вопреки линии своего ЦК самарские эсеры поддерживали требование немедленного распределения помещичьей земли между крестьянами, не ожидая Учредительного собрания²⁶. Эсеры Бугурус-ланского и Николаевского уездов выступили против введения смертной

¹⁸ «Наш голос». Самара. 21.X.1917.

¹⁹ «Наш голос». Самара. 26.VII и 3.VIII.1917.

²⁰ «Борьба». Пенза. 25.VIII.1917.

²¹ «Пролетарий Поволжья». Саратов. 1.VIII.1917.

²² «Социалист-революционер». Пенза. 14.VIII.1917.

²³ «Земля и воля». Самара. 28.VII.1917.

²⁴ «Земля и воля». Самара. 14.IX.1917.

²⁵ «Земля и воля». Самара. 20.VIII.1917.

²⁶ ЦГАОР СССР, ф. 6978, оп. 1, д. 423, л. 55.

казни на фронте²⁷. Свидетельством кризисного состояния эсеров-меньшевистских организаций Поволжья было возникновение в них левых фракций. В конце июня из Самарской объединенной организации эсеров вышли максималисты, в июле возникла фракция левых эсеров, несогласная с ЦК партии эсеров по ряду вопросов, в том числе и по вопросу о введении смертной казни на фронте²⁸. Тогда же возникла левоинтернационалистская фракция и в Самарской организации меньшевиков. Здесь причиной образования левой оппозиции было несогласие с оборонческой позицией, проводимой ОК РСДРП²⁹. Все это указывало на ослабление мелкобуржуазных организаций Поволжья и утрату ими былого престижа в массах. В то же время по мере нарастания социалистической революции усиливалось влияние большевиков в уездных городах Поволжья. Это признавала даже кадетская пресса³⁰.

После ликвидации корниловского заговора, направленного на разгром Советов и революционного движения, на установление открытой военной диктатуры, в стране вновь (на короткое время) сложилась благоприятная обстановка для мирного перехода власти в руки Советов. Однако по вине эсеров-меньшевистских лидеров эта возможность не была использована. Эсеров-меньшевистская верхушка предпочла остаться в союзе с кадетами и, по-прежнему упорно отказываясь от союза с большевиками, проявила полную неспособность решить основные вопросы — о мире и о земле³¹. Такое развитие событий не могло не содействовать углублению кризиса внутри соглашательских партий. Члены этих партий, а также отдельные органы местной эсеров-меньшевистской печати стали открыто осуждать политическую линию своих «верхов». «Что вы делаете, товарищ Керенский!» — под таким заголовком была опубликована 11 сентября передовая статья в пензенской газете «Социалист-революционер». «Мы долго молчали, мы долго терпели, — говорилось в статье, — но теперь довольно... Вот уже шесть месяцев вы ведете непрерывное отступление по всем революционным фронтам, сдавая позицию за позицией. Кто вам дороже: трудовой народ или буржуазия? С нами вы или против нас?». Язвительно высмеяла речь Керенского на Всероссийском демократическом совещании «Солдатская газета» — орган эсеров-меньшевистского Самарского Совета солдатских депутатов: «Чем выступать с такой речью, лучше бы гражданину Керенскому совсем не выступать — лучше бы помолчать»³².

Пока соглашательская пресса занималась фрондерством, раскол эсеров-меньшевистских организаций продолжался. На грани полного распада оказалась меньшевистская организация Самары. Созванная 15 сентября городская конференция не смогла завершить своей работы. Бесконечные дискуссии о войне и мире не привели к какому-либо результату. Большая часть оппозиционно настроенных делегатов демонстративно покинула зал заседаний. Орган самарских меньшевиков «Наш голос» меланхолически констатировал: «Бурно начавшаяся конференция... тихо скончалась»³³.

В сентябре среди меньшевиков Самары произошел открытый раскол: фракция меньшевик-интернационалистов формально отмежевалась от оборонцев, образовав самостоятельную организацию. Возникла фракция интернационалистов в Сызранской уездной организации мень-

²⁷ «Известия ЦИК и Петроградского Совета». 12. VIII. 1917; «Голос труда». Бугуруслан. 8.VIII.1917; «Известия Николаевского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов». 17.IX.1917.

²⁸ «Приволжская правда» (большевистская газета). Самара. 20.VII.1917.

²⁹ «Наш голос». Самара. 5.VIII.1917.

³⁰ «Русские ведомости». Москва. 23.VII.1917.

³¹ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 138—139, 222—223, 237—238.

³² Цит. по эсеровской газете «Земля и воля». Самара. 20.IX.1917.

³³ «Наш голос». Самара. 21.X.1917.

шевиков³⁴. «Как показатели того, что массы левеют,— писал В. И. Ленин 17 (30) октября 1917 г.,— левые эсеры и меньшевики-интернационалисты имеют огромное политическое значение. Такие два факта, как переход около 40% и у меньшевиков и у эсеров в лагерь левых, с одной стороны, и крестьянское восстание, с другой, стоят в несомненной, очевидной связи»³⁵. Разброд, взаимные упреки, дразниги характеризовали положение в большинстве меньшевистских организаций России в сентябре 1917 года. Меньшевистский журнал «Партийные известия» в следующих словах подвел плачевные итоги развития своей партии за март—сентябрь: «За семь месяцев открытого существования партия не изжила раздирающих ее разногласий и не вышла из состояния хронического кризиса, ослабляющего ее влияние, парализующего ее силы и деятельность»³⁶. То же самое наблюдалось и в партии эсеров. В. М. Чернов на IV ее съезде признался, что к моменту созыва Демократического совещания партия эсеров являла собой «рассыпанную хранину»³⁷. В статье «Еще раз о единстве», помещенной в центральном органе эсеров, отмечалось: «Партийные работники, приехавшие с мест, единодушны в своих указаниях на то, что происходящее на местах представляет нерадостную картину партийной дезорганизации, отсутствия единства в действиях, несвязанности с центром»³⁸. Эту оценку положения дел у эсеров можно целиком отнести и к поволжским организациям. В первой половине сентября из сызранской уездной организации эсеров вышла группа левых эсеров-интернационалистов. После этого правые эсеры и эсеры-центристы работали вместе только в течение двух недель, а затем раскололись, образовав две самостоятельные организации: правые эсеры объединились вокруг своего печатного органа «Землеволец», а центристы—вокруг газеты «Земля и воля»³⁹.

Колебания обнаружались и во фракции правых эсеров Самарского Совета рабочих и солдатских депутатов. 11 сентября ее лидер Б. Фортунатов заявил на заседании: «От соглашения с торгово-промышленным классом надо отказаться раз и навсегда. В качестве практических шагов... не останавливаться перед мерами, ломающими рамки капиталистического хозяйства. Для борьбы с контрреволюцией и разрухой следует объявить диктатуру Советов и революционное положение»⁴⁰. Фракция большевиков приветствовала декларацию, прочитанную Фортунатовым, но, как это бывало не раз, «революционного» запала эсерам хватило ненадолго. Уже 12 сентября самарские социалисты-революционеры выступили за коалицию с кадетами. Газета самарских большевиков писала по этому поводу: «Гнева, сознания смертельной опасности... решимости на революционный шаг, которые звучали в заявлении представителей с.-р. в Совете, хватило всего на два дня»⁴¹.

Отход масс от соглашателей, организационный развал и идейный разброд в их рядах свидетельствовали о назревании новой революционной ситуации в стране. После разгрома корниловщины «инициатива революционных масс,— подчеркивал В. И. Ленин,— начала проявлять себя как нечто величественное, могучее, непреодолимое»⁴². Большевики теперь вновь выдвинули временно снятый после июльских событий ло-

³⁴ «Солдат, рабочий, крестьянин». Сызрань. 30.IX.1917.

³⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 408.

³⁶ Цит. по: Н. В. Рубан. Указ. соч., стр. 285—286.

³⁷ «Краткий отчет о работе Четвертого съезда партии социалистов-революционеров». Петроград. 1918, стр. 19.

³⁸ «Дело народа». Петроград. 24.IX.1917.

³⁹ «Сызранский курьер», 19.IX.1917; «Земля и воля». Сызрань. 13 и 24.IX.1917; «Землеволец». Сызрань. 2.X.1917.

⁴⁰ «Приволжская правда». Самара. 12.IX.1917.

⁴¹ «Приволжская правда». Самара. 13.IX.1917.

⁴² В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 204.

зунг «Вся власть Советам». И этот лозунг в новых условиях означал «не что иное, как призыв к восстанию»⁴³. Большевики Поволжья развернули организаторскую и пропагандистскую работу, готовя массы к вооруженной борьбе за власть Советов. Соглашательские органы печати вынуждены были признать факт колоссального успеха поволжских организаций РСДРП(б), достигнутого к октябрю 1917 года. Эсеро-меньшевистская «Солдатская газета» писала в связи с этим: число членов большевистской партии в Самарской губернии «растет с каждым днем» и в целом «население очень быстро левеет»⁴⁴.

В организациях эсеров и меньшевиков царили уныние и подавленность. Один из членов городского комитета самарской организации меньшевиков писал в столичной газете: «Нас скоро будут громить и в Советах и комитетах, и в продовольственных организациях, и вообще по всей линии революционного фронта. Потому что Церетели и Керенский заняты черной магией объединения сил, и у них нет времени подумать над тем, чем сейчас занята Россия... Мы буквально измотались с этими мудрыми коалиционными «чудесами в решете»... Работать уже не в состоянии, да и нельзя работать... Мы задыхаемся в этой проклятой атмосфере»⁴⁵. Лидер царицынских меньшевиков Полуян открыто признавал, что падение популярности партии вызвало у ее рядовых членов «разочарование и отчаяние»⁴⁶.

Среди симбирских эсеров в октябре 1917 г. разгорелся беспринципный спор о том, кого следует считать подлинным вождем партии: В. Чернова или Б. Савинкова. Каждая из сторон обвиняла другую в предательстве. В итоге «савинковцы» откололись от «черновцев», образовав самостоятельную организацию. Они сгруппировались вокруг «Симбирской народной газеты», а «черновцы» вокруг «Земли и воли» и «Социалиста-революционера». Каждая из этих групп выступала на выборах в Учредительное собрание со своим списком кандидатов⁴⁷. Нечто подобное наблюдалось и у эсеров Нижнего Новгорода⁴⁸. Раскол и распад были в те дни характерным явлением не только для всех без исключения организаций эсеров и меньшевиков Поволжья; этот процесс нарастал по стране в целом. «Размежевка классов идет вперед,— писал В. И. Ленин в сентябре 1917 года.— Изнутри партий эсеров и меньшевиков крепнет протест, нарастает прямой раскол вследствие измены «вождей» интересам большинства населения. Вожди опираются на *меньшинство* — вопреки основам демократизма»⁴⁹.

В конце сентября — начале октября большевизировались Самарский, Саратовский, Сызранский, Царицынский и некоторые другие Советы рабочих и солдатских депутатов. В связи с этим соглашатели, особенно эсеры, сосредоточили главное внимание на работе в деревне. 10 октября эсер Е. Лазарев выступил на заседании Самарского губернского Совета крестьянских депутатов с призывом к «организованной борьбе» за крестьянские массы. «Иначе,— говорил он,— крестьянство уйдет за большевизмом»⁵⁰. Трудовое крестьянство, в частности середняки, медленнее, чем пролетариат, изживало мелкобуржуазные иллюзии. Кроме того, громадная часть крестьянства к тому времени еще не была в достаточной степени знакома с аграрной программой большевиков и их отношением к войне и миру. Значительная часть населения деревни черпала

⁴³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 388.

⁴⁴ «Солдатская газета». Самара. 10.X.1917.

⁴⁵ «Новая жизнь». Петроград. 12.X.1917.

⁴⁶ «Рабочая мысль». Царицын. 25.X.1917.

⁴⁷ «Краткий отчет о работе Четвертого съезда партии социалистов-революционеров», стр. 70; «Земля и воля». Симбирск. 18.X.1917; «Симбирская народная газета», 1917, №№ 59, 66, 67.

⁴⁸ «Народ». Нижний Новгород. 18.X.1917.

⁴⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 250.

⁵⁰ «Самарские ведомости», 13.X.1917.

сведения о деятельности большевистской партии из буржуазных и эсеровских газет или из уст эсеровских агитаторов. У местных большевиков не хватало хорошо подготовленных агитационно-пропагандистских кадров. Несмотря на это, в эпизодических столкновениях с большевиками в селах Поволжья эсеры, как правило, терпели поражение. Престиж эсеров в Поволжье, как и во всей стране, падал все ниже вследствие их антинародной политики, прежде всего по вопросам о мире и о земле. Входя в правительственную коалицию, эсеры не только не провели в жизнь провозглашенную ими аграрную программу (социализация земли), но даже осуществляли репрессии по отношению к тем крестьянам, которые пытались получить землю путем захвата ее у помещиков. Нередко эсеры даже возглавляли карательные отряды, которые правительство посылало на усмирение крестьян. В Пензенской губернии, например, комиссар Временного правительства эсер Ф. Ф. Феодорович лично руководил карательными экспедициями. С помощью оружия подавляли крестьянские восстания и другие эсеры этой губернии⁵¹.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции ускорила крах мелкобуржуазных партий. Власть Советов в Самаре, Саратове, Царицыне, Сызрани и других городах Поволжья была установлена в конце октября — начале ноября 1917 года. В известной мере этому способствовало и то обстоятельство, что местные меньшевики, эсеры, максималисты, бундовцы и представители других мелкобуржуазных партий в отличие от своих столичных собратьев не оказали активного сопротивления переходу власти в руки Советов: для подобной акции у них просто не хватало сил. Какое сопротивление могли оказать, например, самарские меньшевики, в рядах которых из 2 700 чел. (август 1917 г.) к концу октября оставалось не более 200 человек. Большевистская же организация Самары насчитывала к тому времени 3 300 членов⁵².

В других городах Поволжья, промышленно менее развитых, переход власти в руки Советов происходил не так быстро. В Пензе к моменту Октябрьской революции большевистская организация насчитывала в своих рядах всего лишь 100 чел., а городской Совет рабочих и солдатских депутатов находился под контролем правых эсеров и меньшевиков⁵³. Пензенским большевикам предстояло завоевать массы на свою сторону. Большую помощь в этом им оказали питерские рабочие, прибывшие в город накануне Октября на строительство Трубочного завода⁵⁴, а также приехавший в ноябре 1917 г. из Петрограда талантливый организатор и пропагандист большевик В. В. Кураев. Кадеты, меньшевики и эсеры вели в Пензе отчаянную борьбу за массы. В октябре они наводнили город антибольшевистскими листовками. Пензенские эсеры, как писала одна из соглашательских газет, даже угрожали большевикам террором⁵⁵. В. В. Кураев, ставший председателем Пензенского губкома РСДРП(б), так описывает эти напряженные дни: «Страстные дискуссии с меньшевиками на рабочих собраниях затягивались на долгие часы. Нужна была огромная энергия и самодеятельность нашего партийного актива, чтобы выполоть сорную траву меньшевистской идеологии в рабочих рядах... Каждый большевик ежедневно, без усталости, в многочисленных беседах, переходя от станка к станку, разъяснял своим товарищам

⁵¹ «Вестник Пензенского губернского исполнительного комитета и комиссариата». Пенза. 17 и 20.X.1917.

⁵² И. Майский. Демократическая контрреволюция. М. 1923, стр. 133; Ф. Г. Попов. Летопись революционных событий в Самарской губернии. Куйбышев. 1969, стр. 537.

⁵³ В. Ф. Морозов. Пензенская большевистская организация в борьбе за развитие социалистической революции и укрепление Советской власти в губернии. Пенза. 1959, стр. 9.

⁵⁴ В. М. Селунская. Рабочий класс и Октябрь в деревне. М. 1968, стр. 48.

⁵⁵ «Известия Совета рабочих, крестьянских и военных депутатов». Пенза. 3.XII.1917.

беспартийным рабочим всю губительность меньшевистской тактики... Массовая индивидуальная агитация и частые митинги на предприятиях в короткий срок вырвали почву у меньшевиков»⁵⁶. Эту характеристику подтверждали и меньшевики. Пензенская меньшевистская газета отмечала: «Отход от нас рабочей массы» стал бесспорным фактом; в период «большевистского переворота» обнаружилось «значительное усиление интернационалистической части в среде самого меньшевизма», а также проявилось «недовольство тактикой своих лидеров внутри самих меньшевистских фракций Советов»⁵⁷.

Постепенно уходила почва из-под ног и у пензенских эсеров, которые в начале декабря лишились своих печатных органов: их пресса не находила сбыта. В первых числах декабря левые эсеры отмежевались от правых и сообщили В. В. Кураеву о согласии сотрудничать с большевиками во всех начинаниях, направленных на установление Советской власти⁵⁸. Успехи пензенских большевиков в борьбе за массы признала и местная буржуазная пресса. «Завоевание Пензы,— заявила одна из кадетских газет,— ведется по всем правилам большевистской стратегии, освещенной долгим опытом... На победоносную стратегию большевиков местная власть отвечает актами, до смешного напоминающими действия погибшего министерства Керенского»⁵⁹. 9 декабря на перевыборах Пензенского Совета победу одержали большевики и левые эсеры, а 22 декабря в Пензе была провозглашена Советская власть. Ход борьбы за власть Советов в Пензе типичен для городов Поволжья, в которых преобладало мелкобуржуазное население.

В сельских местностях Поволжья Советская власть была установлена в ноябре 1917 — феврале 1918 года. Укрепив свои позиции в городах и опираясь на Советы уже как на органы диктатуры пролетариата, поволжские большевики повели фронтальное наступление на правых эсеров, окопавшихся в деревнях и селах края. Губкомы РСДРП(б) направили сотни агитаторов и пропагандистов в деревню. Самым мощным, а вместе с тем и самым действенным оружием большевистских пропагандистов стали Декрет о земле и Декрет о мире.

Результаты деятельности большевиков в деревне сказались очень быстро. Подтверждение этому можно найти даже в мелкобуржуазной прессе. Различного рода отчеты эсеров — депутатов крестьянских Советов, сообщения корреспондентов мелкобуржуазных газет позволяют судить о том, как менялось отношение крестьян к правым эсерам, о росте недоверия к ним со стороны сельского населения, о переходе трудящегося крестьянства на большевистские позиции. 1 ноября 1917 г. член Самарского губернского Совета крестьянских депутатов эсер П. Капранов телеграфировал в редакцию «Волжского слова»: «Объехал волости Преполовенскую и Александровскую. Список «Земля и воля»⁶⁰ пользуется самой широкой популярностью среди трудового крестьянства, хотя замечаются слабые признаки модного увлечения большевизмом»⁶¹. Однако вскоре оптимизм сменился тревогой. Уже в первой половине ноября один из членов Самарского Совета крестьянских депутатов сформировал губком партии эсеров о том, что в селе Екатериновке его слушали «без особого восторга», а на митинге в селе Мыльном во время доклада «поступило несколько специфически большевистских вопросов о войне, о коалиции, о мире, о социализации земли... После речи загорелся страстный спор о войне... с солдатами-большевиками»⁶².

⁵⁶ В. Кураев. Октябрь в Пензе. Пенза. 1957, стр. 36.

⁵⁷ «Борьба». Пенза. 30.X.1917.

⁵⁸ «Известия Совета рабочих, крестьянских и военных депутатов». Пенза. 23.XII.1917.

⁵⁹ «Пензенская речь». Пенза. 8.XII.1917.

⁶⁰ Список кандидатов в Учредительное собрание от самарских эсеров.

⁶¹ «Волжское слово». Самара. 19.XI.1917.

⁶² «Земля и воля». Самара. 19.XI.1917.

Эсер П. Волков, член Самарского Совета крестьянских депутатов, в мрачных тонах обрисовал картину приема, оказанного ему крестьянами села Большая Малышевка (Бугурусланский уезд) в момент проведения выборов в Учредительное собрание. Сначала «все шло хорошо,— писал он,— крестьяне все решили голосовать за список № 3. Но вот появились местные солдаты, приехавшие из Петрограда, подбили всех к списку № 2»⁶³. На третьем съезде крестьян Чембарского уезда, Пензенской губернии (ноябрь 1917 г.), прения приняли бурный характер. «Борются два течения: большевистское и эсеровское,— сообщал один из членов местной организации эсеров.— Большевики со всей горячностью обрушиваются и на буржуазию, и на социал-революционеров, которых они называют прислужниками буржуазии»⁶⁴. Приехавшие на этот съезд члены Самарского губернского Совета крестьянских депутатов эсер Б. К. Фортунатов и меньшевик А. И. Кабцан сумели было настроить его делегатов против большевиков, но когда представитель большевистской фракции Л. Г. Самсонов начал читать декрет Советской власти о земле, в аудитории воцарилась тишина⁶⁵. «Антибольшевизм» большинства делегатов рассеялся при первом же столкновении с конкретными делами большевиков, с их решимостью стоять за интересы трудового крестьянства.

19 ноября на конференции самарских социалистов-революционеров член губернского Совета крестьянских депутатов П. Д. Климушкин, делая впечатлениями о поездке по селам и деревням Николаевского уезда, с раздражением говорил, что в то время, как члены Николаевской организации эсеров сидели «сложив руки, большевики деятельно работали, устраивая организации, кружки, женские группы». Гневаться было отчего. Незадолго до появления Климушкина в Николаевском уезде, то есть в начале ноября, 250 членов местной организации эсеров подали коллективное заявление о выходе из партии. По свидетельству Климушкина, в Николаевском уезде наблюдалось массовое «увлечение большевизмом»⁶⁶. Примечателен репортаж сотрудника эсеровской газеты «Свободное слово» о работе I съезда крестьян Бузулукского уезда Самарской губернии (вторая половина ноября 1917 г.). Корреспондент подчеркивал, что после выступления большевистских ораторов, разоблачивших правых эсеров, раздались возгласы крестьян: «Негодия, мерзавцы, предатели! Продают трудовой народ капиталистам оптом и в розницу. Долой их, вон!»⁶⁷. В конце декабря 1917 г. и в январе — феврале 1918 г. широкие массы трудящегося крестьянства Поволжья уже открыто выражали свое недовольство политикой правых эсеров. Попытка соглашателей организовать среди крестьян антисоветскую оппозицию под флагом Учредительного собрания не удалась. Пензенская эсеро-меньшевистская газета «Наш путь» сообщала, что среди делегатов съезда крестьян Мокшанского уезда (январь 1918 г.) «образовалось два течения: за Учредительное собрание и против. Противников оказалось больше»⁶⁸. Участники Самарского уездного съезда крестьянских депутатов (февраль 1918 г.) на призыв члена губкома партии эсеров Климушкина не признавать власть большевиков и бороться за передачу ее Учредительному собранию ответили бурным протестом. Раздавалось требование удалить докладчика, речь его прерывалась резкими замечаниями делегатов. На съезде абсолютным большинством была принята большевистская резолюция, одобряющая роспуск Учредительного собрания⁶⁹.

⁶³ «Земля и воля». Самара. 16.XI.1917. Список № 3 — эсеровский, № 2 — большевистский.

⁶⁴ «Рассвет». Чембар. 23.XI.1917.

⁶⁵ «Волжское слово». Самара. 18.XI.1917.

⁶⁶ Д. С. Точеный. Указ. соч., стр. 117.

⁶⁷ «Свободное слово». Бузулук. 21 и 22 XII.1917.

⁶⁸ «Наш путь». Пенза. 19.I.1918.

⁶⁹ «Волжское слово». Самара. 14.II.1918.

Все это вынуждало местных эсеро-меньшевистских лидеров признать скрепя сердце свое поражение в борьбе, направленной на свержение власти Советов под флагом Учредительного собрания. «Факт остается фактом, который мы ничуть не склонны оспаривать — Советская власть укрепилась»⁷⁰, — писал один из руководителей самарских меньшевиков, Липский, в феврале 1918 года. «Крестьянство, настроенное против нас в ноябре 1917 года, после нашей победы, и пославшее большинство социалистов-революционеров в Учредительное собрание, — говорил В. И. Ленин на III конгрессе Коминтерна, — было нами завоевано, если не в течение нескольких дней... то, во всяком случае, в течение нескольких недель»⁷¹. Через месяц после победы Октябрьского вооруженного восстания видный деятель правых эсеров Л. Коган-Бернштейн констатировал, что из-под влияния партии вышли широкие массы, а сама партия переживает глубокий кризис⁷². Еще больший урон потерпела меньшевистская партия, на чрезвычайном съезде которой в ноябре — декабре 1917 г. А. Потресов признал: «Наша партия сейчас переживает катастрофическое положение. Она стерта почти совершенно с политической арены»⁷³.

Высказывания Л. Когана-Бернштейна и А. Потресова, характеризующие состояние дел у эсеров и меньшевиков, целиком подтверждаются событиями в Поволжье. К марту 1918 г. прекратила существование организация правых эсеров Вольского уезда, Саратовской губернии, насчитывавшая в июне 1917 г. 700 человек. Бывший ее лидер Декатов констатировал, что печатный орган уездного комитета эсеров выпустил свой последний номер вскоре после выборов в Учредительное собрание, «прекращение газеты отразилось на деятельности организации — она замерла. Понемногу все заводы подпали под влияние большевиков»⁷⁴. В феврале 1918 г. полностью распалась бугурусланская правозесеровская уездная организация Самарской губернии. Та же участь постигла пензенскую правозесеровскую организацию: если в июле в ней насчитывалось 10 тыс. членов, то к концу 1918 г. от них осталась лишь небольшая группа в 10—15 человек⁷⁵. Еще более жалкое существование владели меньшевики. Самарская меньшевистская газета «Вечерняя заря» писала в начале декабря 1917 г.: «Масса идет за большевиками. Большевики стали сейчас массовой партией, а мы, меньшевики, остались ничтожной кучкой»⁷⁶.

Советы, созданные в огне революционных битв широчайшими трудовыми массами, оказались барьером, который не могли разрушить классовые враги пролетариата. Это были те органы власти, которые воплощали в себе ленинскую идею союза рабочего класса и крестьянства — основу диктатуры пролетариата. Борьба против Советов, под каким бы флагом она ни проводилась, всегда, по сути своей, была контрреволюционной, а следовательно, и антинародной. Поэтому любая политическая партия, если она становилась на такой путь, терпела провал за провалом, переживала глубокий кризис и в конце концов распадалась. Убедительнее всего это прослеживается на примере левых эсеров. Пока они шли рядом с правящей партией большевиков, они пользовались доверием определенных слоев населения.

В Поволжье влияние левозесеровских партийных организаций было весьма заметным, а численность порою внушительной. Пензенская организация левых эсеров насчитывала к марту 1918 г. около 2 тыс. человек,

⁷⁰ «Наша жизнь». Самара. 23.II.1918.

⁷¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 44, стр. 29.

⁷² «Дело народа». Петроград. 30.XI.1917.

⁷³ «Новый луч». Петроград. 1.XII.1917.

⁷⁴ «Земля и воля». Самара. 11.IX.1918.

⁷⁵ Д. С. Точеный. Указ. соч., стр. 117.

⁷⁶ Цит. по: «Поволжская правда». Самара. 6.XII.1917.

а левоэсеровская фракция в местном губернском Совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов являлась одной из ведущих⁷⁷. Но в решении вопроса о Брестском мире левые эсеры резко отклонились вправо, демонстративно вышли из Совета Народных Комиссаров. В связи с этим актом началось брожение в местных левоэсеровских организациях. 27 апреля 1918 г. в Симбирске на собрании левых эсеров лидер организации К. Иванов предложил резолюцию о доверии к политике своего ЦК. Против выступил Ягодин. Он говорил о пагубности политического курса ЦК, разорвавшего соглашение с большевиками: «Необходимо слиться воедино с большевиками. Мы должны поддерживать самую революционную партию не только идейно, но все ее распоряжения на местах. Преступно, если мы не воспользуемся настоящим моментом для проведения в жизнь исконной мечты трудового крестьянства. Народ потом не простит наши уклонения»⁷⁸. В Пензе почти все члены партии левых эсеров отнеслись отрицательно к решению ЦК. 12 мая 1918 г. общее собрание левых социалистов-революционеров пришло к выводу: считать выход из Совета Народных Комиссаров ошибкой и настаивать на немедленном созыве очередного съезда партии для обсуждения политики ЦК⁷⁹. В Казанской организации решение о выходе левых эсеров из Совнаркома также вызвало отрицательный отклик значительной части членов партии. Один из руководителей левоэсеровской фракции в крестьянской секции Казанского Совета сказал: «Наше поведение своими бесконечными противоречиями бьет в глаза, своей нелогичностью заставляет серьезно задуматься над вопросом о дальнейших судьбах самой партии... Пора прекратить бесконечное шатание; довольно колебаний, довольно сидения между двух стульев. Отход от власти, когда эта власть находится в руках трудового народа, есть уход от народа, от революции»⁸⁰.

Новая авантюра ЦК партии левых эсеров — мятеж 6 июля 1918 г. — породила у многих рядовых ее членов растерянность, недоумение и возмущение. Член Саратовского губкома левых эсеров С. Рудаков, получив сообщение о мятеже в Москве, заявил: «Убийство Мирбаха и последовавшее за ним вооруженное выступление против партии большевиков является актом контрреволюционным»⁸¹. 9 июля конференция левых эсеров Саратовской губернии призвала не подчиняться распоряжениям своего ЦК, поднявшего меч на Советскую власть⁸². Авантюристическую политику своего ЦК осудила также Симбирская организация левых эсеров.

В некоторых поволжских уездных организациях началась ожесточенная полемика между сторонниками антисоветского курса ЦК партии левых эсеров и теми, кто настаивал на сотрудничестве с большевиками. Один из членов Николаевской организации левых эсеров (Самарская губерния), Барсков, отмечал впоследствии в газете «революционных коммунистов»: «Рабочие массы после московских событий (6 июля. — Авт.) относились недоверчиво к нам... Большевики вытесняли нас со всех ответственных постов в Совете... Организация раскололась»⁸³. 19 июля после длительной дискуссии члены Покровской уездной организации

⁷⁷ «Знамя революции». Пенза. 13.IV.1918; «Журнал личной анкеты делегатов 5-го Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». М. 1918.

⁷⁸ «Известия Симбирского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов». 28.IV.1918.

⁷⁹ «Знамя революции». Пенза. Май 1918, № 25.

⁸⁰ «За землю и волю». Казань. 25.V.1918.

⁸¹ С. Рудаков. О Московских событиях. «Вокруг московских июльских событий». Саратов. 1918, стр. 6.

⁸² «Материалы к Всероссийской конференции партии левых с.-р. (интернационалистов) в городе Саратове». Саратов. 1918, стр. 3, 4, 5, 6.

⁸³ «Знамя революции». Саратов. 21.X.1918.

левых эсеров приняли решение поддержать внутривластный курс Советского правительства и осудить авантюру ЦК своей партии⁸⁴. Лишь Новоузенская уездная организация левых эсеров в Самарской губернии заявила о солидарности с его действиями, но такой курс, как признал один из новоузенских левых эсеров, Лукин, привел к плачевному концу: организация вскоре прекратила свою деятельность, так как потеряла всякую опору в массах⁸⁵.

Интересное заявление сделала 30 июля группа левых эсеров — представителей Московской, Харьковской, Саратовской, Самарской организаций, выступивших против политики своего ЦК: «Большевики, естественно, отворачиваются от нас, изменивших им в самую трудную минуту классовой борьбы; зато к нам примазываются правые с.-р. и иже с ними. Мы расползаемся по швам»⁸⁶. В партии левых эсеров произошел раскол. Вот что писал впоследствии по этому поводу в органе центрального бюро меньшинства партии социалистов-революционеров один из его лидеров, Н. Смирнов: «От партии отваливались организация за организацией, комитеты рассыпались, собраний не устраивалось, члены ее переставали общаться друг с другом, отходили от общественной партийной работы... От жизни отходила партия, и в ней оставались единицы. В этом замирании виной не большевистские репрессии, не карательный аппарат ВЧК. Нет... партия все больше и больше погрязала в болото оппортунизма и реформизма... в результате — рабочий класс (и большинство крестьянских масс, — добавили бы мы. — Авт.) и партия оказались чуждыми друг другу»⁸⁷.

В. И. Ленин указывал на закономерность раскола мелкобуржуазной демократии в условиях социалистической революции: «Раскол среди нее неизбежен: часть перейдет на нашу сторону, часть останется нейтральной, часть сознательно присоединится к монархистам-кадетам»⁸⁸. Процесс распада был необратим. Даже власть эсеров в Среднем Поволжье (Комуч), установившаяся при решающей помощи белочехов летом 1918 г., не способствовала восстановлению их престижа, не говоря уже о былой массовости. Наоборот, самарское «правительство» эсеров, поддержанное меньшевиками, своими реставраторскими действиями в угоду буржуазии и помещикам, террором против коммунистов еще больше углубило пропасть, отделявшую остатки эсерово-меньшевистских партий от народа.

Приведенные выше материалы свидетельствуют о том, что начиная с июльских событий 1917 г. влияние мелкобуржуазных партий на массы заметно снизилось. После победы Октябрьской революции этот процесс сопровождался катастрофическим распадом их организаций на местах. Между тем на выборах в Учредительное собрание (ноябрь 1917 г.) эсерово-меньшевистский блок получил большинство голосов. В чисто крестьянских районах — великорусских (Поволжско-Черноземный, Сибирь, Восточно-Уральский) и украинском — за него проголосовало 62—77%⁸⁹. Как же случилось, что разлагающаяся партия, теряющая влияние в массах, вдруг одержала «победу»?

Дело в том, что партия эсеров подала единые списки своих кандидатов в Учредительное собрание. Это было в первой половине октября 1917 г., а раскол ее произошел в ноябре, после выборов в Собрание, но до его созыва. Таким образом, Учредительное собрание, «выбранное», — как отмечал В. И. Ленин, — по спискам, составленным до Октябрьской

⁸⁴ «Известия Саратовского Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов и районного исполнительного комитета». 24.VII.1918.

⁸⁵ «Знамя революции». Саратов. 21.X.1918.

⁸⁶ «Вокруг московских июльских событий». Саратов. 1918, стр. 3.

⁸⁷ «Народ». Москва. 10.III.1920.

⁸⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 37, стр. 193.

⁸⁹ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 40, стр. 3.

революции, явилось выражением старого соотношения политических сил, когда у власти были соглашатели и кадеты. Народ не мог тогда, голосуя за кандидатов партии эсеров, делать выбора между правыми эсерами, сторонниками буржуазии, и левыми, сторонниками социализма». «Народ,— подчеркивал В. И. Ленин,— не знал, как отличить правых эсеров от левых»⁹⁰. Деревня фактически голосовала «за партию, которая уже не существовала... Крестьянство оказалось обмануто не личностями, а партийным расколом»⁹¹. Об этом же заявил И. И. Скворцов-Степанов в своем выступлении в Учредительном собрании. Обращаясь к правым эсерам, он сказал: «Вы пользуетесь тем, что народ в вас не разобрался, крестьянство не разобралось, вы пользуетесь тем, что оно не различило в вас двух групп... Пользуясь тем, что у них (у левых эсеров.— *Авт.*) не было времени, чтобы составить свои списки, вы за ними вошли сюда контрабандой, обманом»⁹². Кроме того, ко времени проведения выборов в Учредительное собрание крестьянство еще не успело узнать о декретах, принятых II Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов 25—26 октября. Они дошли до крестьян лишь в результате работы II Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов (26 ноября — 10 декабря 1917 г.), который вскрыл перед крестьянством антинародную сущность политики правых эсеров, действовавших в ущерб трудящимся, в интересах помещиков и капиталистов⁹³.

Рассмотренные обстоятельства и объясняют причины, в силу которых правые эсеры оказались в большинстве в Учредительном собрании. Контрреволюционная позиция эсеровского большинства Учредительного собрания, отказавшегося признать завоевания Октябрьской революции, декреты о мире и о земле, признать власть Советов, лишь ускорила распад эсеровских организаций на местах. Именно с этого времени крестьянство окончательно отвернулось от правых эсеров, примкнув к большевикам и частично к левым эсерам, поскольку последние стояли тогда на платформе Советской власти.

⁹⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 35, стр. 235, 296.

⁹¹ Там же, стр. 111.

⁹² Цит. по: К. В. Гусев, Х. А. Ерицян. Указ. соч., стр. 200.

⁹³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 35, стр. 150—155.